

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

ГОНЧОГ-ЧЖИГМЭД-ВАНБО

**ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИЗНИ
ВСЕВЕДУЩЕГО ЧЖАМЬЯН-ШАДБИЙ-ДОРЧЖЕ,
МОГУЩЕСТВЕННОГО УЧЕНОГО И СИДДХА,
НАЗЫВАЮЩЕЕСЯ «БРОД, ВЕДУЩИЙ
К УДИВИТЕЛЬНО БЛАГОМУ УДЕЛУ»**

**Введение, перевод, комментарии
Николая Цыремпилова**

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2008

УДК 294.3
ББК 86.39
Г657

Серия «Рах Buddhica». Основана в 2007 г.
Главный редактор серии
д-р филос. наук, профессор **С. Ю. Лепехов**

Ответственный редактор
д-р и.н., доцент **А. А. Базаров**

Рецензенты
к.и.н., доцент **Р. Н. Крапивина**
д-р и.н., профессор **В. Л. Успенский**

Гончог-Чжигмэд-Ванбо
Г657 Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже, могущественного ученого и сиддха, называющегося «Брод, ведущий к удивительно благому уделу» / Введение, перевод, комментарии Н. Цыремпилова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 312 с.

ISBN 978-5-7925-0291-8

Издание первого полного научного перевода замечательного и важного образца тибетских агиографий – «Брод, ведущий к удивительно благому уделу» Чжамьян-Шадбы II Гончог-Чжигмэд-Ванбо (1728–1791), посвященного жизни выдающегося тибетского религиозного и политического деятеля XVII–XVIII вв., основателя одного из крупнейших буддийских монастырей Внутренней Азии Лавран Дашичил Чжамьян-Шадбы I Агван-Цзондуя (1648–1721). Перевод предваряется обзором исследований тибетских житийных сочинений, анализируется место источника в ряду прочих сочинений подобного рода. Читателю предлагается детальное исследование содержания тибетского оригинального источника и его уникальной монгольской версии с исторической точки зрения с особым акцентом на политическую историю Внутренней Азии периода укрепления традиции телуг и возникновения Цинской империи. Перевод источника снабжен научными комментариями и указателями.

УДК 294.3
ББК 86.39

© Н. В. Цыремпилов, введение,
перевод, комментарии, 2008
© ИМБТ СО РАН, 2008
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2008

ISBN 978-5-7925-0291-8

*Посвящаю эту работу светлой памяти своего Учителя –
бесвременно ушедшей Галины Ринчиновны Галдановой (1942–2001)*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Историография научных исследований жизни и трудов Чжамьян-Шадбы I	9
Тибетские агиографии	16
Об авторе произведения	20
Сведения об источнике	24
Рукопись монгольской версии источника	31
Агиография Чжамьян-Шадбы I «Брод, ведущий к удивительно благому делу» как источник по политической истории Тибета и других областей Внутренней Азии	35
Примечания к тексту перевода и транслитерации тибетского и монгольского текстов	57
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ	59
Указатель личных имен	300
Указатель географических названий и этнонимов	307

ВВЕДЕНИЕ

«...Перед нами открылась очаровательная картина громадного буддийского монастыря, который на этом месте захватил всю узкую долину речки. Многочисленные высокие храмы белого, красного и желтого цветов со множеством этажей и окон, с симметричной и прямолинейной архитектурой, с плоскими крышами напоминали по виду какой-то старинный итальянский город, но тут же нам навстречу стали во множестве попадаться люди непривычного для меня вида, быстро шагающие воинственные тангуты в огромных бараньих тулупах с открытыми загорелыми туловищами и большими боевыми мечами за поясом, а рядом с ними – смиренные монахи в красных одеяниях...»¹

«...Вид его со стороны мусульманского селения не напомнил нам ни одного из прежде виденных нами буддийских монастырей. Это был совсем не азиатский вид, точно перед нами был небольшой южноевропейский городок. Монастырские постройки перехватили всю долину от реки, которая течет под горами правого берега, до подошвы гор левого бока долины. Над крышами одноэтажных келий поднимаются двухэтажные и трехэтажные кумирни и многоэтажные частные дома, стены которых, чисто вымазанные белой краской, придают монастырю вид чистоплотного селения. Южную Европу напоминают плоские крыши тангутских кумирен и домов. Это приятное ощущение от наружного вида монастыря не исчезает, когда въедешь и внутрь его...»²

Все это о Лавране. Два свидетельства российских путешественников, столь сходные по впечатлению, намеренно помещены мной в начало этой главы. Я попытался вызвать у читателя мысленную картину, вставшую перед взором каждого паломника, добравшегося до этого сокровища северо-восточной окраины Тибета, центра высокой учености и просвещения – великолепного Лаврана. Паломники стекались сюда во множестве

¹ Барадийн Б. Путешествие в Лавран // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей... СПб., 1998.

² Потанин Г. Н. Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950. С. 256–257.

ве, в основном из собственно Амдо и Монголии, несмотря на то, что монастырь этот не отличался ни глубокой древностью, ни святынями, вроде тех, что переполняли соседний Гумбум. Лавран вызывал всеобщие восторги высокой ученостью своих монахов и строгостью монастырской дисциплины. «По рассказам монголов, – писал А. Г. Позднеев в конце XIX века, – изучение цанита в этом монастыре (т. е. в Лавране. – Н. Ц.) самое обширное: ламы ведут здесь свои состязания не только в хуралах, но и дома, на улицах, в степи – словом, где бы только они ни сошлись»¹. Программа обучения на факультетах монастыря стала образцом для большинства монастырских школ Амдо, Монголии и Бурятии, поскольку большое количество выходцев из этих областей проходило курс обучения именно здесь (кстати говоря, только в Лавране Базар Барадийн обнаружил официально признанное землячество бурят). К тому же из стремления к независимости от Лхасы и крупных школ центра Тибета основатель монастыря ввел традицию присвоения ученых степеней своим учащимся – случай беспрецедентный для окраинного тибетского монастыря традиции гелуг. Все это сделало Лавран одним из крупнейших центров буддийского образования во Внутренней Азии.

Монастырь был основан в 1709 году амдоским монахом, вернувшимся в родные места после нескольких десятков лет учебы и подвижничества в Центральном Тибете, по приглашению семьи влиятельного монгольского хана, чьи кочевья находились на месте расположения Лаврана. Возможно, что уже тогда его называли Чжамьян-Шадба, что, по сути, являлось почетным прозвищем, которое молодой монах по имени Агван-Цзондуй получил в результате поразительного случая, происшедшего с ним в храме Большого Чжу, «святая святых» Лхасы: старинное рисованное изображение на стене храма, по свидетельствам очевидцев и самого Агван Цзондуя, отчетливо улыбнулось ему, стоящему напротив. Пораженные монахи с тех пор стали называть Агван-Цзондуя – Чжамьян-Шадба, что с тибетского можно перевести как «Улыбающийся Манджуг-хоша». Это имя затем закрепилось и за линией его перерожденцев, а основателя этой линии стали называть первым Чжамьян Шадбой. Можно также предположить, что эта история – поздняя выдумка, отражающая признание величайших заслуг этого человека. Бодхисаттва Манджушри, как известно, рассматривается буддистами Махаяны как персонификация аспекта праджни, или высшей мудрости, выводящей ум за грани обыденных понятий.

¹ Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1898. С. 250.

Еще один уважительный титул, который Чжамьян-Шадба получил от своих почитателей, переводится с тибетского как Всеведущий. В Монголии и среди бурят основатель Лаврана был более известен как Гунчен-лама. Этот титул говорит о широком спектре применения мудрости его носителя, что совершенно справедливо в случае с Чжамьян-Шадбой. Интересно, что для академика Ф. И. Щербатского, хорошо знакомого с трудами Чжамьян-Шадбы, это послужило причиной для проведения недвусмысленной параллели между ним и одним из ученых энциклопедистов Европы Нового Времени: «...знаменитый великий лама Джамьян-Зава¹ (1648–1722), удивительный человек, автор целой библиотеки произведений, охватывающих почти все области буддийского учения. Интересно отметить, что Джамьян-Зава был современником Лейбница. Поразительная интеллектуальная деятельность обоих этих великих людей породила представление об их “всеведении”. Джамьян носил титул “всеведущего (kun-mkhyen) ламы”, Лейбниц тоже являлся “Der All- und Ganzwischer”»².

Данные его биографий говорят о том, что не все ученые интересы Чжамьян-Шадбы отражены в его работах, но даже то, что мы видим в собрании его сочинений, говорит о необычайной широте его интеллектуальных пристрастий, конечно же, в рамках десяти традиционных буддийских дисциплин. В мировой буддологии имя Чжамьян-Шадбы ассоциируется с фундаментальными трактатами по прамане, или буддийской теории познания, и мадхьямаке. Выдающиеся достижения Чжамьян-Шадбы в обеих сферах иллюстрируются фактом включения его работ по этим дисциплинам в учебные программы ряда передовых философских факультетов двух крупнейших монастырей традиции гелуг, хотя существуют основания усматривать в этом факте политический аспект, к которому мы обязательно обратимся позднее. Заметим также, что в современной буддологии Чжамьян-Шадба известен, прежде всего, благодаря своим трудам в этих областях. Вспомним, что впервые имя Чжамьян-Шадбы попало на страницы работ европейских исследователей тибетского буддизма в XIX веке, благодаря его изложению философских систем в жанре сиддханты. И сейчас эта работа является объектом исследования целого ряда буддологов. Его работы по всем остальным большим буддийским наукам – Праджняпарамите, Абхидхарме и Винае – считаются классическими в традиции желтошапочников. В последнее время в науке получает признание вклад Чжамьян-Шадбы в области санскритской и тибетской

¹ Имеется в виду Чжамьян-Шадба I.

² Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1968. С. 107–109.

филологии. По крайней мере одно научное исследование в этой области включает в свою орбиту ряд его работ по орфографии, лексикологии и поэтике¹. Никак не исследованы работы Чжамьян-Шадбы по иконографии, агиографии, сакральной географии и библиографии. Самый поверхностный анализ сочинений Чжамьян-Шадбы говорит о том, что специалисты упускают еще один из аспектов его личности – тантрийский, ведь основную часть собрания его сочинений в 15 томах занимают многочисленные инструкции к тантрийским практикам и ритуалам. Однако самым выдающимся достижением Чжамьян-Шадбы стал Лавран.

С самого начала Лавран задумывался как цитадель образцовой учености, как точный пример классических буддийских университетов Индии первого тысячелетия нашей эры. Дух утонченной учености поселился уже под первыми войлочными навесами, служившими крышей первым студентам Лаврана, и впоследствии воплотился в целой плеяде блестящих ученых лавранской традиции, таких как Балман Гончог-Чжалцан, Гончог-Данба-Рабчжай, Гончог-Данби-Донмэ, Гончог-Чжигмэд-Ванбо и многих других. Несомненно, основание Лаврана, последнего монастыря, удостоенного чести называться оплотом традиции гелугпа, стало самым крупным достижением Чжамьян-Шадбы, символом его трудов и усилий не только в сфере идей и концепций, но и в материальной области политической прагматики. Само основание этого монастыря не могло не диктоваться определенными политическими потребностями. В этой связи нам только предстоит открыть для себя еще одну ипостась этой многогранной личности: Чжамьян-Шадбы – влиятельного политика. Данные из его биографий позволяют судить о масштабах его влияния. Действительно, один из самых блестящих ученых и прославленных тантристов гелугпы начала XVIII века, Чжамьян-Шадба вряд ли мог бы избежать своего вовлечения в вихрь событий, потрясавших Тибет того времени. После смерти Далай-ламы V гелугпа претерпела значительную внутреннюю трансформацию не только в сфере схоластики, но и в отношении своей политической роли. Можно говорить об усилении ее позиций не только в Тибете, но и на всей территории буддийской Внутренней Азии. Целый ряд ключевых событий в истории этой религиозно-политической традиции произошли в период с конца XVII по конец первой трети XVIII века, и одну из важнейших ролей в этом процессе сыграл Чжамьян-Шадба I. Представленный вашему вниманию русский перевод, очевидно, самого подробного и содержательного источника о жизни Чжамьян-Шадбы яв-

¹ Pieter C. V. A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet. Leiden, 1993.

ляется первым научным переводом этого замечательного произведения тибетской словесности. Несмотря на то, что отдельные материалы биографии, носящей подзаголовок «Брод, ведущий к удивительно благому делу», так или иначе использовались специалистами в области тибетской истории, основной ее массив так до сих пор и не затронут.

Историография научных исследований жизни и трудов Чжамьян-Шадбы I

Европейскому ученому миру имя Чжамьян-Шадбы известно достаточно давно. Еще В. П. Васильев, известный русский синолог, более ста лет назад пытался раскрыть огромное значение этой фигуры в истории ученого буддизма Тибета. Однако до наших дней о жизни этого человека, значение которого для центральноазиатской культурной традиции сопоставимо, как уже отмечалось, со значением фигуры В. Ф. Лейбница в культурной истории Европы¹, даже специалистам известно немного.

Впервые имя Чжамьян-Шадбы I появилось в фундаментальном труде выдающегося русского сиолога В. П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература»² в связи с анализом некоторых его сочинений философской направленности. В. П. Васильеву, в ряду прочих его заслуг, можно вменить и честь первого в европейской научной традиции упоминания имени Чжамьян-Шадбы I и весьма верной его оценки в качестве выдающегося тибетского ученого XVII–XVIII вв. То, что Чжамьян-Шадба I впервые обрел известность в европейской науке как выдающийся тибетский схоласт, – факт закономерный. Ведь, в конце концов, политический вес этого человека и его активная деятельность как в Центральном Тибете, так и в Амдо были непосредственным образом связаны с его авторитетом ученого и писателя. Однако уже в конце XIX столетия целая плеяда российских путешественников и ученых сообщила научному миру о монастыре Лавран, плоде трудов Чжамьян-Шадбы I, и институте его перерожденцев – влиятельных церковных феодалов Амдо.

Г. Н. Потанин на страницах упомянутой монографии «Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», по всей видимости, впервые сообщил об обстоятельствах возникновения монастыря Лавран и о линии перерожденцев Чжамьян-Шадбы I. Потанин также записал любопытнейшие рассказы монахов Лаврана о деятельности Чжамьян-Шад-

¹ См. об этом ниже.

² Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. СПб., 1857. С. 112, 260, 268, 315.

бы I, по большей части, правда, полулегендарного характера. И все же именно из дневника Г. Н. Потанина можно было впервые узнать, что «...Лабран основан в позднее время, когда в крае этом уже господствовали олеты, следовательно, не ранее XVI века. Местное предание гласит, что земля, на которой теперь стоит монастырь, прежде принадлежала олетскому князю Хари-вану, а потом Срю-вану, что монастырь был основан по приглашению этих князей, которые сами кочевали на высоком плато, к югу от вершин Сончу (т. е. реки, на которой стоит Лабран). Они пригласили будто бы из Индии первого Чжаян-Чжаппа-сэна¹ поселиться в их владениях на реке Сончу, и с тех пор Лабран сделался резиденцией гэгэнов этого имени, т. е. перерожденцев переселенца из Индии. Гэгэн Чжаян-Чжаппа-сэн, резиденцией которого служит Лабран, самый знаменитый гэгэн во всем Амдо. Никакой другой тангутский гэгэн не пользуется такой известностью...»² Приведенный отрывок с очевидностью говорит о неточностях первых сведений по истории основания Лаврана, однако от информации Потанина, опиравшегося на устную традицию, нельзя было требовать большего.

Маршрут следования в Центральный Тибет Г. Ц. Цыбикова, как и большинства других российских путешественников, пролегал через Амдо, главными перевалочными пунктами которого являлись две буддийские святыни этой области – монастыри Гумбум и Лавран. Сведения о Лавране и Чжамьян-Шадбе I, содержащиеся в его дневнике, изданном под заглавием «Буддист-паломник у святынь Тибета»³, отличаются уже большей достоверностью и полнотой. Цыбиков сообщает и об учебе будущего основателя Лаврана на факультете Гоман монастырского комплекса Брэйбун, и о его ученых трудах, и об обстоятельствах основания Лаврана, и о причинах роста влияния этого монастыря, и, наконец, об исключительном положении Лаврана и его главы в глазах тибетцев, тангутов, монголов и бурят. О последнем обстоятельстве, в частности, свидетельствует следующий факт, зафиксированный в вышеуказанном сочинении: «“Нашими спутниками” я называю...двух бурятских лам, направляющихся в Лавран для выяснения перерожденца бывшего ширетуя Цугольского дацана Забайкальской области Иванова, который очень славился среди прихожан своею ученостию... По списку лабранский Чжамьян-Шадба должен был указать перерожденца Иванова»⁴.

¹ Речь идет о Чжамьян-Шадбе I.

² Потанин Г. Н. Указ. соч. С. 257–258.

³ Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск, 1988.

⁴ Цыбиков Г. Ц. Там же. С. 40.

Однако максимально полную информацию об основателе Лаврана к тому времени смог предоставить только Б. Б. Барадийн, с 1905 по 1907 год находившийся в научной командировке под видом паломника в монастыре Лавран. До наших дней дневник его путешествия остается, вне всяких сомнений, самым полным источником сведений по истории и устройству этого монастыря, а сведения Б. Б. Барадийна о жизни и деятельности Чжамьян-Шадбы I долгое время никто не мог дополнить. Помимо уже известных к тому времени обстоятельств его прихода в Центральный Тибет, Барадийн, вероятно, воспользовавшись одной из биографий Чжамьян-Шадбы I, в своем дневнике сообщает о его блестящей учебе на факультете Гоман, о его высоком авторитете среди ученого ламства, о реформе учебной программы, осуществленной им на родном факультете. Со слов Барадийна стали известны подробности организации монастыря Лавран: «Жамьян-Шадба умер в 1722 году, и Лавран не успел еще развиться в большой монастырь. Основатель успел только построить небольшой соборный храм, основать цаннидскую и джудскую школы буддизма и устроить немногочисленные домики для монашеской общины. При основании монастыря Жамьян-Шадба обратил особенное свое внимание на то, чтоб его монастырь выгодно отличался от других своей образцовой дисциплиной монашеской жизни, скромностью и благоустройством монашеского общежития. Действительно, нравственная чистота и чрезвычайная скромность жизни монахов нового монастыря и имя знаменитого его основателя быстро стали привлекать к себе благочестиво настроенных людей со всех концов Амдо»¹. Кроме этого, дневник Б. Барадийна изобилует богатейшими сведениями о жизни и учебной программе факультетов монастыря, значение которых трудно переоценить.

Кто из западных ориенталистов и когда впервые упомянул в своих научных трудах имя Чжамьян-Шадбы I, сказать трудно. При анализе всей доступной западной литературы по истории центральноазиатского региона нам удалось встретиться с более или менее удовлетворительной информацией об этой фигуре лишь в нескольких исторических сочинениях.

Во втором издании «Geschichte der Dalai-lamas» Г. Шуллемана² нашему герою посвящен абзац. Сообщается приблизительно то же самое, что уже стало известно из сочинений вышеназванных российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб., 1998. С. 133.

¹ Цит. по кн.: Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб., 1998. С. 133.

² Schulleman G. Geschichte der Dalai-lamas. Leipzig, 1958. С. 288–289.

дователей. При этом Шуллеман ссылается на ряд авторов, среди которых Б. Б. Барадийн¹, П. К. Козлов², W. Filchner³, A. Tafel⁴, W. Heissig⁵. С учетом того, что науке уже было известно о личности Чжамьян-Шадбы I, все перечисленные сочинения на данном этапе для нас не представляют особого интереса, за исключением ранней работы В. Хайссига «Ein mongolisches Textfragment über den Ölötenfürsten Galdan», опубликованной в 1944 году. Эта статья, безусловно, содержащая ценные сведения и о деятельности Чжамьян-Шадбы I в Центральном Тибете, и об обстоятельствах основания Лаврана, полностью основана на отрывке из монгольской летописи «Болон-эрихэ», который, как оказалось, содержит дословный перевод небольшой части рассматриваемого источника. Ценность сведений, содержащихся в статье В. Хайссига, подтвердила и работа Л. Петека «Notes on Tibetan history of the 18th century»⁶, в которой автор, используя сведения из статьи В. Хайссига, говорит об участии Чжамьян-Шадбы I в важных политических событиях начала XVIII века. В частности, Л. Петек пишет о поддержке, оказанной Чжамьян-Шадбой I Лхавсанхану ко времени его прихода к власти, ссылаясь на источник В. Хайссига.

В своем исследовании Л. Петек, говоря о Чжамьян-Шадбе I, также опирается еще на две важные работы, вышедшие к тому времени, которые содержат сведения об этом человеке.

Первой по времени появления является солидная монография американского исследователя Дж. Ф. Рока «The Amnye-macchen range and adjacent territories»⁷, целиком посвященная географической характеристике некоторых регионов Амдо. В главе, дающей описание монастыря Лавран, Дж. Ф. Рок приводит интереснейшие сведения, почерпнутые из китайских источников⁸, касающиеся биографических данных не только

¹ Барадийн Б. Б. Статуя Майтреи в золотом храме в Лавране. Bibliotheca Buddhica XVII. Л., 1924.

² Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Москва-Петроград, 1923.

³ Filchner W. Kumbum Dschamba Ling. Leipzig, 1933.

⁴ Tafel, A. Meine Tibetreise. 2Bde. Stuttgart, Berlin, Leipzig, 1914.

⁵ Heissig W. Ein mongolisches Textfragment über den Ölötenfürsten Galdan. Sinologische Arbeiten 2. Peking, 1944.

⁶ Petech L. Notes on Tibetan history of the 18-th century. T'oung-pao, vol. 52. Roma, 1966.

⁷ Rock J. F. The Amnye-macchen range and adjacent territories. Roma, 1950.

⁸ Отсутствуют прямые ссылки на источники, но, судя по контексту, в данном случае могли использоваться сведения из «清海記».

Чжамьян-Шадбы I, но и четырех его последующих перерожденцев. Сведения эти кратки и схематичны, но это единственные достаточно полные биографические описания этой линии перерожденцев. Вторая из этих работ – первое научное исследование, целиком посвященное личности Чжамьян-Шадбы I, предпринятое Локеш Чандрой в 1962 году¹. Автор использовал краткую биографию Чжамьян-Шадбы I, любезно предоставленную ему академиком Ринченом. Однако он, к сожалению, не сообщает ничего ни об авторстве сочинения, ни о времени его написания, ни его полного названия. Краткое изложение содержания этой биографии позволило упорядочить уже известные сведения о жизни Чжамьян-Шадбы I и добавить к ним много нового: точное место его рождения и имена родителей, время ухода в Центральный Тибет, факт учебы на тантрийском факультете и прочее. При этом отсутствуют данные о его политической активности в Центральном Тибете, о которой лишь мимоходом упомянуто в работе Л. Петека, об активной миротворческой и проповеднической деятельности Чжамьян-Шадбы I в Амдо.

В 1991 году вышла еще одна работа, также полностью посвященная жизни Чжамьян-Шадбы I. Ее автор – индийский исследователь Санджит Кумар Садхухан, который опубликовал аннотированный перевод биографии Чжамьян-Шадбы², входящей в состав гигантской исторической хроники «Дэбтэр-Чжамцо»³, автором которой является Гончог-Шабдрун-Данба-Рабчжай, 49-й настоятель монастыря Лавран. Хотя материал этой

¹ Chandra L. The life and works of HJam-dByangs bZhad-pa. C. A. J. Vol. VII. № 3. September, 1962. В статье сказано лишь, что рукопись биографии была передана автору академиком Б. Ринченом.

² Sanjit Kumar Sadhukhan. Biography of the eminent Tibetan scholar 'Jam dbyangs bsgad pa Ngag-dbang brtson-'grus (A. D. 1648–1722) // The Tibet Journal. Vol. XVI. № 2. 1991. P. 19–31.

³ А. И. Востриков в «Тибетской исторической литературе» приводит следующие известные ему биографии Чжамьян-Шадбы I:

1. Краткая стихотворная автобиография Чжамьян-Шадбы I (rJe btsun 'jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje'i mnam thar bka'rtsom tshig bcad ma, ff. 7. Ngawang Gelek Demo. Vol. 1.

2. Подробная биография Чжамьян-Шадбы I, написанная Чжамьян-Шадбой Гончог-Чжигмэд-Ванбо (mkhas shing grub pa'i dbang phyug kun mkhyen 'jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje'i mnam par thar pa ngo mtshar skal bzang 'jug ngogs, ff. 123. Ngawang Gelek Demo. Vol. 2.

3. Краткое описание жизни Чжамьян-Шадбы I, содержащееся в хронике Дэбтэр-Чжамцо (Debther rgyamtsho. Т. II, ff. 1r–10r4).

4. Краткая биография Чжамьян-Шадбы I, входящая в состав хроники, излагающей историю основанного им монастыря Лавран (mDo smad bstan pa'i 'byung gnas dpal ldan bkra shis'khyil gyi gdan rabs rang bzhin dbyangs su brjod pa'i lha'i rnga bo che. ff. 307).

Этим список, очевидно, не исчерпывается, и, возможно, существует еще ряд биографий, не известных пока ученым.

биографии представляет определенный интерес, поскольку содержит некоторые сведения, дополняющие рассматриваемый источник, перевод выполнен с серьезными ошибками, что делает бессмысленным его использование.

К настоящему моменту в среде тибетологов имя Чжамьян-Шадбы I уже приобрело устойчивую известность. О нем знают как о высокочитательном и плодовитом ученом, во многом повлиявшем на развитие философской науки в Тибете, располагают сведениями о его проповеднической деятельности в Амдо и основании им крупнейшего центра буддийской учености северо-восточной окраины Тибета. Однако все эти знания разбросаны по самым разным монографиям и статьям, а стереотипные примечания к весьма часто встречающемуся имени Чжамьян-Шадбы I переходят из одной книги в другую.

Масштабы письменного наследия Чжамьян-Шадбы впервые в наиболее полной форме были раскрыты бурятскими учеными Л. Ж. Ямпилловым, Б. Д. Дандароном и П. И. Хадаловым с выходом в 1962 году научного описания его трудов, входящих в собрание сочинений лавранского издания¹. Позднее, в 1973–1974 годах фотомеханическим способом в Индии было переиздано собрание его сочинений под редакцией Агвана Дэлэга². В 1992 году вышел в свет еще один репринт его сумбума, принятый силами Ассоциации буддийской культуры Гоман-дацана монастыря Брэйбун в Индии³. Кроме того, десятки его трудов продолжают выходить в КНР и Индии отдельными изданиями. Даже сегодня Чжамьян-Шадба I, возможно, является одним из самых популярных тибетских авторов. В последние десятилетия в связи со значительным прогрессом в изучении тибетского буддизма на Западе и в Японии ряд комментаторских трактатов на праджняпарамиту, мадхьямаку и праману за авторством Чжамьян-Шадбы⁴ получил сравнительно широкое освещение в тру-

¹ Хадалов П. И., Дандарон Б. Д., Ямпиллов Л. Ж. Описание сочинений Гунчен-Чжамьян-Шадпа-Дорчже. Улан-Удэ, 1962.

² The collected works of 'Jam dbyans b*zaḍ pa'i rdo rje. New Delhi: Ngawang Gelek Demo, 1972–1974. 15 vol.

³ The collected works of 'Jam dbyans b*zaḍ pa'i rdo rje / [edited by Khensur Tenpa Tenzin ... [et al.]. Mundgod: Dre-Gomang Buddhist Cultural Association, 1992. 9 Vol.

⁴ Сравнительно подробный анализ в научной литературе получили такие трактаты Чжамьян-Шадбы, как изложение особенностей буддийских и небуддийских философских систем (grub mtha'i nam bshad chen mo), анализ «Мадхьямака-аватары» Чандракирти (dbu ma la 'jug pa'i mtha' dpyod), исследование предметов элементарного дискурса (bsdus grwa'i mtha' dpyod chen mo). Этим, конечно, круг исследованных работ не исчерпывается.

дах таких ученых, как Джеффри Хопкинс, Дональд Лопез, Сюндзо Онода, Дэвид Руэгг, Хосэ Игнасио Кабезон, Сиро Мацумото, Кодо Йоцуя¹ и другие. Вместе с развитием научных знаний о тибетской традиции буддизма фигура Чжамьян-Шадбы занимает свое место в числе крупнейших мыслителей в истории человечества. Поэтому совершенно естественным представляется растущий интерес к его жизни. Однако даже поверхностное знакомство с ними заставляет признать, что кроме Чжамьян-Шадбы – блестящего схоласта существовали еще и Чжамьян-Шадба – прославленный йогин, влиятельный политик и искусный администратор.

Биография Чжамьян-Шадбы Агван-Цзондуя «Брод, ведущий к удивительно благому делу», русский перевод которой представляется вниманию читателей, вероятней всего, является самым полным источником сведений о его жизни. Так или иначе, но материалы этого замечательного образца традиционной тибетской житийной литературы использовались в разное время несколькими специалистами в области истории Тибета. Помимо упоминавшейся уже работы Петека, опиравшейся не на оригинальный источник, а на вторичные данные из монгольского сочинения, опубликованного Хайсигом, материалы рассматриваемой нами биографии Чжамьян-Шадбы использовались в трудах британского тибетолога Майкла Ариса и японского историка Исихамы Юмико. У нас еще будет шанс подвергнуть анализу данные, использованные этими учеными, в последующих главах. Однако необходимо сразу же отметить, что только полный перевод биографии дает возможность оценить богатство и значение материала, представленного в нем.

Прежде чем подвергнуть источниковедческому анализу само произведение, мне бы хотелось дать самую общую характеристику феномену тибетской агиографии, уникальному явлению в мировой религиозной литературе.

¹ См., например: Jeffrey Hopkins. Emptiness Yoga. New York, 1987; Donald Lopez. Study of Svatantrika. New York, 1987; Shunzo Onoda. Monastic Debate in Tibet: a study on the history and structures of bsdus grwa logic. Wien, 1992; David Seyfard Ruedig. Studies in Indian and Tibetan Madhyamaka thought. Wien, 2000; José Ignacio Cabezon. The Prasangika view on Logic: Tibetan dGe lugs pa Exegesis on the question of Svatantras // Journal of Indian Philosophy, 16, № 3; Matsumoto, Shiro. Madhyamaka Philosophy of Tibet: On the mTha' 'bral dbu ma'i lugs // Journal of Oriental Studies, 21, 2. P. 161–178; Kodo Yotsuya. The Critique of Svatantra Reasoning by Chandrakirti and Tsong-kha-pa. A study of Philosophical proof according to two Prasangika Madhyamaka Traditions of India and Tibet. Stuttgart, 1999.

Гончог-Чжигмэд-Ванбо

**Повествование о жизни
Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже,
могущественного ученого и сиддха,
называющегося «Брод, ведущий
к удивительно благому делу»**

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 2008 г.

На обложке использовано фото Лаврана,
сделанное Базаром Барадийным в 1905 г.

Редактор *Е. И. Борисова*
Корректор *Э. Ц. Цыбенова*
Компьютерная верстка и макетирование
А. М. Цыдендамбаева, Н. Д. Жамбаева

Подписано в печать 15.12.2008 г. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,1. Уч-изд.л. 19,6.
Тираж 200. Заказ № 65.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.